

Обход больных длился три часа, и Диего поневоле оказался лицом к лицу с реальностью, которую раньше старался не замечать. Эпидемия холеры бушевала среди самых бедных, тех, у кого не было ни своего врача, ни денег на лекарства, ни добротной одежды, ни возможности каждый день получить миску супа. Одержимость Зверем и поиск сенсаций, поднимавших престиж Диего на дружеских попойках, отступили на второй план. Сейчас он жаждал другого: показать обездоленным людям, что на свете есть те, кто, как Ана Кастелар, готовы помочь им, даже рискуя жизнью. Великосветская дама, жена одного из министров королевы-регентши, могла бы целыми днями возлежать на мягких подушках, угощаться английским печеньем и перебрасываться шутками с бездельниками вроде Амбросэ; но она помогала врачам в лазарете, не ожидая иной награды, кроме благодарной улыбки умирающего.

Подлинная Ана Кастелар была именно та, которую он видел сейчас. Она подходила к самым тяжелым больным, к умирающим старикам, хотя помочь им было почти нечем — разве что дать глоток воды или немного остудить влажной губкой плавающее тело. Она предложила Диего заняться теми, кто был в критическом состоянии, чья жизнь висела на волоске и для кого ночь, проведенная в лихорадке, могла стать роковой. Ана знала, что делать, и объяснила Диего: у таких пациентов нужно вызвать

рвоту при помощи паров винного уксуса и нескольких глотков горячей воды.

Даже с растрепавшимися волосами, забрызганная нечистотами, Ана умудрялась сохранять на лице улыбку. Промыв больному желудок, она для каждого находила искреннюю, утешительную ласку: снова укладывала страдальца на подушку, как мать укладывает горящего в жару ребенка, вытирала ему рот салфеткой. Она работала без перерывов и, ополоснув таз под краном, переходила к следующему больному. В этот момент в ее глазах мелькала едва заметная печаль, та самая готовность сдаться, которую раньше Диего почувствовал в ее словах. Ей казалось, что этого никто не видит, но Диего все замечал: секундная пауза, тяжелый вздох — возможно для того, чтобы сдерживать стоявшие в глазах слезы, — и снова за дело, ни намека на печаль, запертую глубоко внутри. Кому под силу поддерживать на смертном одре столько мужчин и женщин и не сломаться? Такие люди — редкость; страдать ради других готов далеко не каждый.

Оказавшись в роли помощника Аны, Диего начал осознавать, что она увлекает его не так, как в театре... И его тянет к ней не так, как тянуло к другим. Его романтические приключения всегда были проявлением некоей одержимости: он будто стремился заполучить трофей, обзавестись новой красивой безделушкой. В театре он заговорил с Анной, привлеченный ее необыкновенной красотой, притягательной как магнит. Но те чувства не имели ничего общего с тем, что разгоралось в его душе сейчас, когда он шел по детской палате рядом с совсем другой, далекой от легкомыслия Анной. Он постарался не думать об этом, не давать этому названия — он просто не был к такому готов.

Ана села рядом с белокурым мальчиком по имени Тимотео — кажется, это был ее любимец.

— Мальчик совсем плох. Надо сделать ему кровопускание.

— Что? — Диего даже не пытался скрыть ужас.

— Надрез для пуска крови делается на поверхностной артерии. У вас твердая рука?

— Он же совсем ребенок!

— Ребенок, который не выживет, если мы этого не сделаем. Я возьму в аптечке антисептик.

Пока она с решительным видом выходила из зала, Диего смотрел на потное лицо Тимотео, его пересохшие губы, поймал тусклый взгляд, которым ребенок вдруг впился в него, словно моля о помощи. Ана вернулась с почти пустым пузырьком.

— Вот, возьмите нож.

Диего рассчитывал на более тонкий инструмент — скальпель или что-нибудь в этом роде. Нож слегка дрогнул в его руке.

— Подождите, — остановила его Ана.

Она взяла подсвечник с догоравшей свечой, и Диего, догадавшись, прокалил лезвие на огне. Ана показала ему артерию на шее, под левым ухом мальчика. Диего склонился над ребенком. Он был готов бросить нож и бежать из лазарета, но в этот миг рука Аны коснулась его руки. Их взгляды встретились, и Диего понял, что она в него верит. Не сомневается, что он справится. Слова были не нужны — взгляда черных глаз этой женщины оказалось достаточно, чтобы Диего почувствовал неожиданный прилив храбрости. Он сделал маленький надрез. Кровь сразу потекла тонкой струйкой, а в следующую секунду брызнула с силой, как речной поток, перепрыгнувший через камень.

— Чуть шире, — попросила она.

Диего расширил надрез. Тимотео корчился от боли. Ана держала его голову обеими руками. Кровь текла минуту,

показавшуюся Диего бесконечной. Наконец Ана приложила к ране дезинфицирующее средство и зажала надрез полотенцем.

— Проверьте пульс.

Диего нащупал пульс у мальчика на запястье.

— Учащенный. Как и у меня.

Ана продолжала с силой прижимать полотенце, чтобы остановить кровотечение.

— И у меня.

Чуть позже они вышли на свежий воздух, во внутренний двор монастыря, и прислонились к массивным колоннам в стиле ренессанс. Пучок Аны растрепался, несколько прядей упали ей на лицо.

Ана улыбнулась:

— Обычно я выгляжу более элегантно.

— А я обычно действую более решительно.

— Не стану вас обманывать: врач из вас никакой, — раздался ее хрустальный смех.

— Позвольте мне доказать, что в других областях я могу принести гораздо больше пользы!

Ана Кастелар отбросила волосы назад и внимательно посмотрела на Диего. Усталость была ей к лицу, пережитый страх сделал ее взгляд светлее, лицо в вечерних сумерках смягчилось, словно написанное акварелью. Однако к ней быстро вернулась деловитость, помогавшая скрывать то, что творится в душе и что теперь, как подозревал Диего, она больше не хотела ему показывать.

— Вечер пятницы на следующей неделе, у меня дома, вас устроит?

— А где ваш дом?

— Не сомневаюсь, что дорогу вы найдете без моих подсказок.

Пройдя несколько шагов по галерее, Ана остановилась и взглянула на Диего:

— Возможно, врач из вас никакой, но вы остались с этими людьми. В этом они сейчас и нуждаются. В том, чтобы кто-то был рядом. Но немногие на это решаются.

Диего воспринял эту фразу как нечто гораздо более ценное, чем разрешение нанести визит: подобная откровенность сулила возможность получше узнать настоящую Ану. Вскоре герцогиня исчезла за колоннами монастырской галереи. Солнце почти село, ворота лазарета открылись вновь. Возвращаясь домой, Диего перебирал в голове события этого дня, и в нем крепло убеждение, что Ана обладает редким даром делать людей лучше.

Когда, возвращаясь в пещеру, Лусия проходила мимо Пеньюэласа, на город уже опускались сумерки. Это были ее родные места, здесь она чувствовала себя как рыба в воде, но сейчас — возможно из-за новой одежды, которую ей выдали в публичном доме, — все виделось ей более убогим, чем раньше. Лусия велела Кларе купить на ужин бараньих потрохов, но не знала, выполнила ли сестра ее поручение или им придется лечь спать голодными.

Она прошла мимо забора, окружавшего склад заготовок при фабрике кроватей. По соседству чудом сохранилось несколько домишек. Чуть в стороне стоял свинарник Горбуна, который пас своих свиней среди огромных мусорных куч. Наконец Лусия дошла до начала оврага и дома дядюшки Рило — самого мерзкого места даже по меркам этого квартала. Здесь в одном бараке в страшной тесноте ютилось человек триста, не меньше. Кандида всегда просила дочерей быть очень осторожными, если им придется проходить мимо. Именно тут Лусия вдруг подумала, что с ней что-то не так: одна женщина, увидев ее, отвела глаза, зато местные парни, наоборот, нагло тарасились на нее. Воздух словно сгустился, стало трудно дышать.

Почти добравшись до пещеры, она заметила под деревом обшарпанную миску, из которой они обычно ели. Схватив ее, Лусия принялась торопливо карабкаться по склону.

— Клара! Клара!

Едва войдя в пещеру, она споткнулась о котелок, и он с грохотом покатился по земле. Одежда была свалена бесформенной кучей, старые, почти непригодные к использованию ложки и вилки блестели в темноте. Сестры нигде не было видно.

— Клара!

Наконец Лусия услышала в глубине пещеры что-то вроде тихого стога и бросилась туда, почти на ощупь. Бледный свет луны едва проникал внутрь.

— Я ходила за бараньими потрохами, честное слово, ходила, — всхлипывала Клара.

— Да забудь ты про эти потроха, расскажи, что случилось!

Лусия стала ждать, когда сестра немного успокоится, крепко сжала ее в объятиях. Клара была не такой, как Лусия, и отчасти в этом была вина Кандиды: та всегда боялась, что мир будет слишком жесток к ее дочерям. Ее рассказы об убитых за кусок хлеба и изнасилованных женщинах, которые отправились в путь одни, без сопровождения, превратили Клару в робкое существо, искавшее защиты у матери, а теперь, когда ее не стало, — у старшей сестры.

— Они приходили за амулетом. Ты меня обманула, они от чего не защищает! — со злостью выкрикнула Клара.

Лусия наконец начала понимать, что произошло. Ее сестра, как ей и было велено, отправилась за бараньими потрохами. Обычно лоточник торговал около мукомольной фабрики, но на этот раз Кларе сказали, что он переехал к дому дядюшки Рило.

— Зачем ты туда пошла? Перстень был у тебя на пальце?

— Да. Мне было страшно, но ты ведь говорила, что он защищает, как броня.

Лусия тяжело вздохнула. Ей хотелось успокоить сестру, сочинить новую небылицу о волшебной силе перстня, которая иногда пропадает. Но сначала следовало выяснить все подробности случившегося.

— И что было дальше?

— Они его увидели, и кто-то пошел за мной.

— Ты знаешь, кто?

— Нет, но кто-то из местных.

Они проследили за Кларой до самой пещеры.

— Меня били, пинали, таскали за волосы. Кричали, чтобы я отдала им перстень, перерыли здесь все вверх дном. А потом унесли мамин сюртук и одеяла.

— Ты отдала его? Клара, пожалуйста, это важно: ты отдала им перстень?

— Нет, когда я услышала, что они идут, я его сняла. Он там.

Перстень был зарыт в золе, оставшейся от картошки, которую Лусия пекла в очаге пару дней назад.

— Он потерял свою силу?

— Ты разве сама не видишь, что с тобой ничего не случилось? Если бы не перстень, кто знает, что могли натворить эти люди?

Лусия надела перстень Кларе на указательный палец. Девочка погладила его с таким чувством, как будто в нем заключалась вся ее жизнь. Она неохотно позволила сестре умыть ее и обработать ранку на лбу, у самых волос.

Нельзя было здесь оставаться: этот сброд наверняка вернется за перстнем, а Лусия не сможет сторожить Клару все время. Она велела сестре собрать скудные пожитки, и в полной темноте они побрели в сторону Мадрида. Лусия решила спрятаться в одном из мест, которые ей показывал Элой во время их скитаний по городу: например,

на старой спичечной фабрике, которую закрыли из-за холеры. К этому зданию никто даже подойти не смел, но Лусия рассудила, что если они не заразились от умирающей матери, то уже никогда не заразятся.

Она столько раз пробиралась в Мадрид через канализационные трубы под городской стеной... Теперь нужно было только уговорить Клару последовать ее примеру.